

Семнадцать ответов о русском национализме

Русское движение — в отличие, скажем, от прокремлевских или либеральных, в которых многообразие мнений не поощряется — достаточно разнородно. В нем участвуют люди, придерживающиеся разных точек зрения на многие вопросы.

Поэтому я не могу говорить за всех. То, что здесь сказано — это мои мнения и мои наблюдения, как теоретика и участника русского движения. При этом я пытался учесть не только свои, но и чужие мнения, и где только возможно, указывал, где речь идет о распространенной среди русских националистов позиции, а где — о моей собственной. Я старался не скрывать имеющихся противоречий и не обходить острые углы и спорные моменты.

ОТ АВТОРА. Этот текст появился в качестве ответа на публично заданные мне вопросы г-на Павла Данилина.

В своём блоге он написал следующее:

Русские националисты умело научились разбираться с полемистами в дискуссиях о нелегальной миграции и в спорах, посвященных международной политике. Но есть темы, фактически табуированные для русских националистов. Больные места. Точки, куда могут бить и бьют, а также те вопросы, отвечать на которые неудобно. Порой даже и не знаешь, как отвечать на них. Такие вот вопросы я и задаю сегодня Константину Крылову, одному из лидеров интеллектуального националистического движения.

1. Что общего между русским национализмом, нацизмом и расизмом, в том числе и с фанатами Гитлера?
2. Почему в среде русских националистов своими считают, в том числе и тех, кто активно и агрессивно выступает против Русской православной церкви?
3. Как намерены русские националисты взаимодействовать со сторонниками генерала Власова?
4. Почему русские националисты полагают возможным выступать рядом с нацистами и национал-социалистами?
5. Являются ли русские националисты антисемитами?
6. Почему русскими националистами называют, в том числе и сепаратистов, сторонников Новгородских республики и подобных им носителей сепаратистской идеологии?
7. Почему русские националисты в штыки встречают любые инициативы системных партий, направленные на поддержку националистического дискурса, в частности, речь идет о русском клубе Единой России и последних инициативах КПРФ?
8. Почему русские националисты постоянно ссорятся, и не могут создать единого националистического движения?
9. Как именно русские националисты намерены решать вопрос исторического примирения поколений, учитывая наличие как красного, так и белого

дискурсов в националистическом движении и непримиримые разногласия между ними?

10. Что именно русские националисты думают о собственности в России, в том числе, об итогах приватизации, и намерены ли они в случае прихода к власти предпринимать какие либо действия в отношении пересмотра итогов приватизации?
11. Каким образом русские националисты собираются заниматься сбережением нации?
12. Какая политика, по мнению русских националистов должна проводиться в отношении стран СНГ?
13. Как русский националист относится к понятию империя, ее культурной и цивилизаторской функции?
14. Может ли российское государство оставаться в тех же географических границах, если встанет на путь национализма, в какую сторону должно проходить изменение границ, если должно и каким образом?
15. Какие народы являются агрессивными и враждебными по отношению к русскому народу?
16. Что именно хотят построить в России русские националисты в случае прихода к власти?
17. Как именно русские националисты намерены строить отношения с гражданами России другой национальности, в случае прихода к власти?

Понятно, что автор вопросов просто свёл вместе наиболее распространённые предрассудки и заблуждения по поводу современного русского национализма. С другой стороны, это и в самом деле распространённые предрассудки и влиятельные заблуждения. Поэтому я постарался ответить на каждый вопрос как можно подробнее.

Первый вариант ответов [опубликован на сайте Liberty.ru](http://liberty.ru). К сожалению, в текст вкрались ошибки и опечатки. Здесь — несколько отредактированный вариант, чуть более удобный для чтения.

* * *

Сначала — небольшое предупреждение.

Русское движение — в отличие, скажем, от прокремлевских или либеральных, в которых многообразие мнений не поощряется — достаточно разнородно. В нем участвуют люди, придерживающиеся разных точек зрения на многие вопросы.

Поэтому я не могу говорить за всех. То, что здесь сказано — это мои мнения и мои наблюдения, как теоретика и участника русского движения. При этом я пытался учесть не только свои, но и чужие мнения, и где только возможно, указывал, где речь идет о распространенной среди русских националистов позиции, а где — о моей собственной. Я старался не скрывать имеющихся противоречий и не обходить острые углы и спорные моменты.

Я также старался быть максимально честным и объективным в фактических вопросах — и не слишком сильно упрощать сложные вещи. В результате ответы

сильно превосходят вопросы по длине. Увы, краткость — сестра таланта, но теща ясности, а на некоторые простые вопросы простых ответов просто не существует.

1. Что общего между русским национализмом, нацизмом и расизмом, в том числе и с фанатами Гитлера?

Здесь уместно для начала поинтересоваться — *а почему вы спрашиваете?* Точнее, почему именно этот вопрос оказался первым в списке?

Увы, ответ очевиден. Наша власть, не имея сколько-нибудь убедительных аргументов, опровергающих русских националистов, развернула пропагандистскую компанию, обвиняя их в разнообразных грехах. Универсальным и наиболее удобным стало обвинение в «нацизме» и «фашизме» — поскольку эти слова в современном обеспамятвшем мире стало просто обозначением «всего самого страшного».

Впрочем, власть не сама этому научилась: манеру обвинять своих противников в «фашизме» она заимствовала у либералов, российских и зарубежных которые охотно пользуются этим приемом для шельмования противников.

Но попробуем все-таки сказать нечто по существу.

Ответ будет длинным и подробным — пожалуй, длиннее и подробнее, чем ответы на прочие вопросы. Прошу винить за это не меня, а тех, кто устроил путаницу в головах множества людей.

Национализм — общее понятие. Расизм — одна из теорий, обосновывающих определенный вид национализма, а именно империалистический национализм. Далее, «национал-социализм», «нацизм» (он же «фашизм») — экзотическая разновидность расизма. Таким образом, всякий расист — националист, но не всякий националист — расист. Соответственно, всякий нацист — расист, но не всякий расист — нацист.

Разумеется, тот факт, что расизм есть разновидность националистической идеологии, не бросает тени на национализм в целом. Для сравнения: раковая опухоль есть вид живой ткани, и даже очень живучая, но мы ведь не считаем, что рак компрометирует саму идею многоклеточности, и нам всем стоит деградировать до состояния амёб. Мы предпочитаем бороться с раком как таковым.

Вернемся, однако, к теме. Национализм утверждает, что

1) нации имеют интересы (из чего следует, что разные нации могут иметь разные интересы), и

2) нация имеет право и даже обязана отстаивать свои интересы там, где они ущемляются — не только другими народами, но и, скажем, властью, или какими-то социальными группами.

Разумеется, интересы нации можно понимать по-разному. Но, в общем, удовлетворение национальных интересов возможно либо за счет ресурсов самого народа, либо за чужой счет. В первом случае народ нуждается прежде всего в свободе, независимости, справедливой власти и тому подобном. Во втором — в возможности безнаказанно угнетать другие народы.

Поэтому существуют два вида национализма. Первый можно назвать *национально-освободительным*, второй — *империалистическим*.

Возможно, конечно, и какое-то их совмещение: некоторые народы стремятся к независимости от других, но при этом готовы угнетать третьи. Но для обоснования права на то и другое разом используется разная идеология и риторика, соединить которые можно только при помощи специальных приемов.

Одним из них, кстати, и является расизм. Расизм — это учение о том, что существуют «высшие» и «низшие» («богоизбранные» и «проклятые», «биологически полноценные» и «биологически неполноценные», «культурные» и «дикие»), расы и народы, причем «высшие» имеют право — данное им Богом, Природой, Культурой и т.п. сущностями — подавлять и угнетать низшие расы, удовлетворять свои материальные интересы за их счет. Это учение очень удобно, поскольку снимает множество вопросов типа «почему нам можно то, что другим нельзя».

Тут прошу внимания. Утверждение, что народы различаются по своим биологическим свойствам и культуре, расизмом не является. Это всего лишь констатация факта: да, люди различны, и нации тоже различны. Нет ничего расистского и в рассуждениях о культурной или даже биологической совместимости или несовместимости разных народов. Верны они или нет — другой вопрос, но это не расизм. Расизм — это именно учение о праве истреблять, угнетать, эксплуатировать или унижать другие народы. Заметим, что для этого даже не обязательно утверждать «биологическое превосходство» над ними. Вполне достаточно назвать угнетаемых и истребляемых «некультурными», «бogoотверженными», или, скажем, «насквозь пропитанными тысячелетним рабством» (эту формулировку любят использовать наши либеральные расисты по отношению к русским).

Не будем гадать, кто и когда изобрел расизм: его проявления можно обнаружить даже в глубокой древности. В Европе он стал необычайно популярен в эпоху колониализма, как удобное оправдание колониальной экспансии и эксплуатации неевропейского населения (в том числе в таких отвратительных формах, как рабство).

Наконец, немецкий национал-социализм является разновидностью расизма — с той разницей, что немцы собирались колонизировать в первую очередь славянские земли. Учение о *расовом превосходстве немцев (и вообще европейцев) над славянами* является неотъемлемой частью национал-социалистического учения.

Из этого сразу следует, что русский националист *не может* быть нацистом или классическим национал-социалистом. Невозможно, чтобы русский националист

добровольно признавал себя биологически или расово неполноценным существом, а свой народ — недочеловеками.

Что касается «русского расизма» (то есть учения о том, что именно русские являются высшей расой и имеют право угнетать другие народы), то подобные учения не получили широкого распространения. Это связано с уже указанными историческими причинами — русские, как народ, не имели колониального прошлого. Предки каждого англичанина или француза имели материальные выгоды от наличия колоний, в их исторической памяти отложилось, насколько это было замечательно — потому-то Европа «больна расизмом». Русские, к добру или к худу, такого опыта не получили. Российская Империя не имела колоний в европейском смысле этого слова. Напротив, русские несли основные расходы и издержки по расширению пределов государства, и не имели с этого никаких выгод.

Сейчас русские, в массе своей, отнюдь не воспринимают себя как «высшую расу господ». Они находятся в подчиненном, униженном, подавленном состоянии, и знают это.

Русские националисты не призывают к захвату земель и колоний, к господству над иными народами, к унижению и угнетению. Они хотят освободиться сами, а не порабощать других. Их основные требования — прекращение угнетения русских людей, создание русского государства на исторических русских землях. Короче говоря, *русский национализм — это национализм национально-освободительный.*

На это можно возразить, что известная часть русских националистов испытывает явный и нескрываемый интерес и симпатии к «гитлеризму», особенно к его символике и атрибутике. Мы, дескать, знаем людей, называющих себя русскими националистами и вскидывающих руку в нацистском приветствии, малюющих свастики на стенах домов и т.п.

Да, есть русские националисты, которые используют такую символику. В девяностые годы этого было больше (тогда, например, крупнейшая русская организация того времени — РНЕ — имела своим символом «коловрат»), сейчас гораздо меньше. Но это бывает.

Однако следует понимать, почему и отчего фашистские символы пользуются популярностью и в каком качестве они используются.

Ответ до смешного прост. Так называемая «фашистская» атрибутика воспринимается прежде всего как *протестная символика*. Это вообще характерно для национально-освободительных движений на начальных этапах развития.

В качестве примера: все мы читали в детстве «Тилиа Уленшпигеля» и восхищались храбрыми гёзами, отстаившими независимость Нидерландов от испанцев. Но, между прочим, гёзы — чтобы позлить испанцев и римский престол — использовали символы, приводившие тогдашних европейцев в большой ужас, чем нынешняя фашистская символика. Конкретно — исламские, турецкие. Гёзы носили на шляпах зеленые полумесяцы и надписи «Лучше служить султану турецкому,

чем Папе». Разумеется, никаких реальных симпатий к турецкому султану они не питали — им просто хотелось как можно сильнее задеть ненавистного противника.

Ту же роль играют и пресловутые свастики: поскольку считалось, что для людей, находящихся у власти, этот символ крайне неприятен, русские националисты пытались задеть своих врагов хотя бы этим. «Ах, вы называете нас фашистами? Хорошо, для вас мы будем фашистами! Зиг хайль!» Символы — оружие безоружных.

Разумеется, это касается не только «фашистской» символики. Например, НБП использует гротескно «коммунистические» символы, в стилистике западных антикоммунистических комиксов середины прошлого века. Используются они ровно для той же цели — чтобы хоть как-то оскорбить чувства «гайдарочубайсов», ну и встряхнуть обывателей. Заметим, что реальная идеология нынешней НБП очень далека и от большевизма, и от национализма, и от фашизма, а Лимонов выступает вместе с Каспаровым.

Сейчас мы видим, как по мере развития русского движения «протестный фашизм» теряет популярность. То же можно сказать и о нескольких организациях, которые настаивали на том, что они являются и «русскими», и «национал-социалистическими». Так, единственная сколько-нибудь заметная организация, которая официально заявила о себе как о «национал-социалистической» и «белорасистской» — НСО — сейчас практически распалась. Другие организации и их лидеры, в том числе и те, кто в девяностые годы пытался создать некое подобие «фашистской идеологии для русских», считая это удачной идеей (по причинам, указанным выше), теперь осознанно переходят на иные позиции. На массовых мероприятиях, устраиваемых крупными русскими организациями, уже трудно увидеть знамена и плакаты с «коловоротами». Разве что «зиги-заги» и прочие кричалки, наверное, популярны скорее среди футбольных фанатов и т.п., еще будут какое-то время радовать глаз и ухо либеральных журналистов и правительственных чиновников. Впрочем, последние все меньше полагаются на случай и все больше — на проплаченных специалистов по постановке спектаклей с «фашизмом».

Сейчас большая часть карикатурных «нацистиков» — это обыкновенные провокаторы, а подавляющее большинство свастик на стенах появляются ровно в тот момент, когда нужно найти повод для дискредитации какого-нибудь перспективного политического движения. Во время предвыборной компании партии «Родина» я видел на стенах домов корявые надписи «СКЕНЫ ЗА РОДИНУ» (те, кто их малевали, не знали, как пишется слово «скин») и кривые свастики, закрученные куда Бог пошлет. Такие же кривые свастики, только вокруг аббревиатуры «ДПНИ», украсили в 2008 году переходы на Большом Арбате — аккуратно к Русскому Маршу.

Впрочем, если уж быть совсем въедливым и дотошным, можно вспомнить еще одну -причину неких «как бы нацистских» симпатий в русском движении.

Я имею в виду свойственную образованным русским людям еще с петровских времен тягу ко всему немецкому, германофилию. Связана она с образом Германии

как «образцовой культурной страны». Этот образ — часть классической русской культуры XVIII-XIX веков. Сентиментальное германофильство — настроение, свойственное, например, ранним славянофилам. Либералы же обычно ориентировались на англосаксонские страны, видя в них образец цивилизации, англофильство свойственно русским либералам изначально. Сейчас оно обычно выражается в неумеренном американолюбии. Но низкопоклонство перед «Сияющим Городом На Холме» до недавнего времени считалось совершенно естественным, а вот германофильство кажется подозрительным — так как оно связано с интересом к творчеству «правых» литераторов, экономистов и философов, многие из которых сейчас считаются (обычно — облыжно) «предтечами нацизма». Тут поработала и советская пропаганда, которая записала в «нацисты» даже Ницше. Одно время в «нацизме» подозревали любого публичного интеллектуала, цитирующего, скажем, Юнгера или Шмидта. Сейчас, конечно, это звучит смешно — но свою роль это обстоятельство тоже сыграло.

Подведем же, наконец, итоги. У русского движения нет сколько-нибудь значимого фашистского прошлого, оно ни в коей мере не является фашистским сейчас, и его развитие идет в сторону, противоположную фашизму. «Русский фашизм» сегодня — это жупел, которым враги русского движения пытаются махать, оправдывая угнетение русского народа и репрессии против русских активистов.

2. Почему в среде русских националистов своими считают, в том числе и тех, кто активно и агрессивно выступает против Русской православной церкви?

Для начала отметим: русский национализм не является фундаменталистским религиозным учением. Это светская, мирская политическая теория и практика. Русским националистом может быть человек, исповедующий любую религию или не исповедующий никакой.

Это не теоретизирование: именно так и обстоят дела. В рядах русского движения можно встретить людей с самыми разными религиозными воззрениями, от православных христиан до славянских язычников и атеистов.

Разумеется, большинство русских националистов — православные. Это следует просто из того факта, что православие сейчас является «русской религией». Некоторые православные — члены РПЦ МП, другие принадлежат к иным православным церквям. Разумеется, последние настроены к РПЦ МП критически.

Есть также убежденные атеисты, противники любой религии, или представители религиозных учений, считающих себя пострадавшими от христианизации (те же славянские язычники).

Все это не мешает им проявлять терпимость к воззрениям друг друга и действовать сообща в тех вопросах, в которых они едины.

Что касается православных — и христиан вообще. Верующий человек может занять по отношению к иноверцам (в том числе и тем, кто выступает против его веры или его церкви) две позиции. Первая — не иметь с ними ничего общего, гнущаться их общества, или стараться нанести им какой-нибудь вред. Некоторые

религии учат своих адептов именно этому. Христианам же, насколько мне известно, заповедано иное: сотрудничать со всеми во всяком деле, которое христианин считает добрым, полезным и согласным с совестью, словом и делом показывая ближним силу своей веры. Православные христиане, участвующие в русском движении, поступают именно так — и это приносит свои плоды.

Можно, впрочем, задаться иным вопросом — почему Русская православная церковь не стала объединяющим началом для русского движения, не сыграла ту роль, которую сыграл Костел в Польше восьмидесятых, когда польское гражданское общество объединилось, в том числе, и вокруг католичества? Но это уже вопрос к РПЦ МП, а не к русским националистам, которые открыты для сотрудничества со всеми, кто разделяет их цели и чаяния.

3. Как намерены русские националисты взаимодействовать со сторонниками генерала Власова?

Русские националисты не считают свое движение преемственным власовскому — в том смысле, в котором, например, украинские националисты официально считают своими предшественниками бандеровскую ОУН и прочие организации, действовавшие на территории Украины в сороковые-пятидесятые годы. Не существует сколько-нибудь известных русских организаций, которые хотя бы претендовали бы на преемничество с РОА, РОНА и т.п., и уж тем более имели бы такое преемничество на самом деле.

Есть несколько организаций, имеющих косвенное отношение к событиям времен второй мировой войны — например, РОВС (Русский Обще-Воинский Союз). Они состоят в основном из эмигрантов и их потомков. Эти организации не считают себя частью современного русского национального движения и занимаются в основном «хранением памяти о белых воинах и разоблачением преступлений коммунизма». Бог им в помощь.

Есть также несколько старых русских национальных организаций — таких, например, как Национально-Патриотический Фронт «Память» — среди участников которых подобные симпатии, пожалуй, распространены. На их реальную политику это не оказывает никакого влияния.

Чтобы быть уж совсем честным, скажу, что, покопавшись, можно найти несколько сообществ, которые и в самом деле прилагают некие усилия к реабилитации генерала Власова и других сил, сражавшихся на немецкой стороне. В этом качестве я припоминаю военно-историческую организацию «Добровольческий корпус» и ее лидера Яниса Бремзиса. Практический опыт взаимодействия с ним у меня был. Он состоял в том, что упомянутый господин подал многостраничное заявление в ОВД «Сокол» г. Москвы, в котором обвинял меня и моих соратников в преступном намерении уничтожить мемориальный комплекс памяти Белых Воинов (а именно, памятники, стоящие в церковном дворе) силами тайной организации «Собаки Берии» (в которую я, по его мнению, вхожу) и спецподразделения «Альфа» (которому я, по его мнению, могу отдавать приказы), в связи с чем угрожал *«массовым протестным самосожжением международной*

общественности». В сообщничестве со мной он также обвинял ныне покойного патриарха РПЦ Алексия Второго.

Я отношусь к г-ну Бремзису и его окружению с искренним сочувствием и желаю этим людям скорейшего выздоровления.

В заключение — о возможных причинах симпатий к фигуре генерала-коллаборациониста. Российская история прошлого века была крайне трагичной и закончилась геополитическим крахом. В такой ситуации людям свойственно мечтать об иных вариантах истории, и верить в то, что, не случись того-то и того-то, все сложилось бы лучше. Осуждать их за это бессмысленно: это свойство психики. Так, у нас есть множество людей, уверенных, что, если бы не революции 1917 года, мы жили бы в великой стране — и ностальгирующих по «России, которую мы потеряли». Другие сожалеют, что Сталин не прожил еще десять лет и не построил технократическую утопию. Кто-то сожалеет о «косыгинских реформах», а кто-то — об избрании Горбачева генсеком. Есть и те, кто верит, что оккупация Гитлером Советского Союза в 1941 году принесла бы меньше бед и страданий русскому народу, чем продолжение коммунистического господства.

Что ж, я могу представить себе вариант мировой истории, в котором подобное стало бы возможным. Сюжет, интересный для романиста — я и сам с удовольствием прочел бы хорошо написанный роман на подобную тему. Впрочем, как литератор, я мог бы и написать нечто подобное, почему бы и нет?

Практического значения всё это не имеет. Как высказался по этому поводу Дмитрий Демушкин, лидер одной весьма радикальной организации, постоянно обвиняемой в симпатиях к «фашизму и гитлеризму»: «Нет задачи — воскресить фашистов и переиграть за них войну, захватить Сталинград и Москву. Гитлер — мертв. Мы победили».

Впрочем, «плачи по Гитлеру» все же не вполне безобидны, так как задевают чувства множества русских людей, чьи предки воевали с немецкими оккупантами. Но в таком случае имеет смысл посмотреть, на чьей стороне гитлерофилов больше. Я хорошо помню, что в эпоху перестройки и в девяностые гитлерофилия считалась вполне приличной именно в либеральном стане. Можно встретить множество публичных персонажей, от журналистов до историков, которые публично и печатно рассуждали о том, насколько Гитлер был лучше Сталина, и как бы мы «под немцами» пили баварское пиво. Кстати, большинство этих людей в той или иной мере разделяют и русофобские идеи. Я уж и не говорю об общелиберальном культе таких одиозных фигур, как, скажем, Пиночет. Причем либеральный культ «великих реформ Пиночета», в отличие от кабинетных рассуждений историсоффов, нанес огромный реальный вред России — поскольку, в числе прочего, лег в основу идеологического оправдания реформ 1992-1994 годов. Этот культ разделяют и по сей час, в том числе и люди, близкие к власти... Почему-то никому из них не предъявляют обвинений в фашизме — скорее всего, потому, что право бросать такое обвинение они предусмотрительно застолбили за собой.

4. Почему русские националисты полагают возможным выступать рядом с нацистами и национал-социалистами?

Кто с кем выступает рядом? Неужели русские националисты ходят на какие-то «нацистские мероприятия», устраиваемые «нацистами и национал-социалистами», пытаются вписать свои идеи в «нацистские программы», плетутся в хвосте нацистских колонн?

Нет, ничего подобного никто не видел. Русские националисты — самостоятельная сила, именно они устраивают мероприятия, они озвучивают свои собственные лозунги, у них есть своя программа, и она не является нацистской. Ни о каком присоединении русских националистов к каким-то «нацистам» говорить не приходится.

Что имеет место на самом деле? Некоторые люди, которые считают себя «фашистами» или «национал-социалистами» (или называют себя таковыми — исповедуя вместо настоящего национал-социализма некие собственные фантазии на эту тему, о причинах этого см. выше), выражают симпатии к русским националистам и участвуют в наших акциях. Не мы идем к ним — но они идут к нам.

Хорошо ли это? С точки зрения авторитарного, агрессивного-оборонительного сознания — свойственного, увы, многим — это, конечно, ужасно. Если на митинг или пикет приходят не те люди, их надо гнать, даже если они настроены дружелюбно, и даже особенно, если они настроены дружелюбно. Кто не подписал кровью партийную программу из тысячи пунктов, не принес присягу на верность всем нашим кумирам и не проклял всех наших врагов — тот да будет изгнан из наших рядов... Мы хорошо знаем эту логику, не так ли?

Но нет. Мы, русские националисты, не хотим и не будем вести себя подобным образом. Русское движение — не секта, не сборище параноиков и не проплаченная тусовка. Мы никого не боимся — и поэтому зовем к себе всех, в том числе и представителей самых крайних взглядов. Пусть они — фашисты, либералы, демократы, консерваторы, коммунисты, верующие, неверующие — приходят к нам, пусть участвуют в наших делах, пусть становятся русскими националистами. Мы готовы взаимодействовать со всеми, кто не настроен враждебно к русским интересам и открыт для диалога.

5. Являются ли русские националисты антисемитами?

Да, конечно, среди русских националистов можно найти антисемитов. Можно их найти, наверное, и среди либералов, и среди коммунистов, и даже среди поклонников Ктулху. Антисемиты, представьте себе, встречаются даже среди евреев.

Впрочем, среди всех вышеперечисленных встречаются и сионисты — в смысле, сторонники государства Израиль. Среди русских националистов произраильские взгляды довольно распространены — как, впрочем, и антиизраильские. Но очень многие считают Израиль хорошим примером сильного национального государства, а то и образцом для подражания.

Так или иначе, это всего лишь мнения и симпатии. Что касается сущностных черт современного русского национализма, то антисемитизм к ним не относится. Русские националисты не ставят своей целью «уничтожение евреев» или еще что-то подобное.

Это легко доказать, и не на словах, а на деле. Несмотря на постоянные крики об «антисемитизме», «грядущих погромах» и прочую словесную пачкотню, за все эти годы не было ни одной попытки совершения подобных действий на самом деле. Все, что могут предъявить «борцы с антисемитизмом» — это чьи-то слова. При этом евреи наговорили и написали о русских куда больше пакостей. Но что касается практики, то все, что здесь можно припомнить — это неизвестно кем поставленный заминированный антисемитский плакат (помните?), да несчастного больного Копцева, который действовал из побуждений, известных скорее психиатрам. А вот чудовищная «антифашистская» компания, приведшая к ужесточению политического режима в России и использовавшая, в частности, «дело Копцева», проводилась людьми клинически здоровыми — хотя в их моральной полноценности можно было бы усомниться.

Разумеется, русские националисты в своей пропаганде и агитации уделяют известное внимание действиям еврейского лобби в целом (например, таким организациям, как РЕК), а также конкретных евреев, имеющих власть или рычаги влияния и пользующиеся им не на благо России и русского народа. В частности, многие русские националисты сочувствовали и поддерживали президента России В.В. Путина в ситуации с «группой Гусинского», а впоследствии — с делом ЮКОСа. С другой стороны, в среде русских националистов был популярен покойный генерал Рохлин — чье еврейское происхождение, кстати, было предметом насмешек со стороны либеральных СМИ.

Это свидетельствует о простой вещи: русские националисты судят о людях и народах по их делам. Мы не видим в евреях ангелов, которых нельзя критиковать, или животных, чьи действия не подлежат моральной оценке. Представьте себе, мы считаем евреев людьми — как и всех прочих. И если можно обсуждать историю, культуру, политику и национальные интересы русских, поляков, американцев, таджиков, чеченцев и даже загадочных эскимосов — почему этого нельзя делать, когда речь заходит о евреях? Нет ли в этом антисемитизма?

6. Почему русскими националистами называют, в том числе и сепаратистов, сторонников Новгородских республики и подобных им носителей сепаратистской идеологии?

Мне неизвестно политическое движение, которое ставило бы себе целью отделение Новгородской области от России.

Существуют исторические симпатии к древней Новгородской республике, которую многие считают развитым демократическим государством европейского типа, уничтоженным «московским режимом» — и скорбят по этому поводу. Плач об утраченных новгородских вольностях — постоянная тема русской культуры, вечевого колокол — такой же символ России, как и двуглавый орел или шапка Мономаха.

Есть также недавно созданное литературно-публицистическое движение, основанное на идеях одного интеллектуала-теоретика, одного хорошего поэта и нескольких остроумных публицистов. Насколько я понимаю, они призывают к пересмотру традиционной картины русской истории, а также строят планы на будущее. Много, написанное ими в этом ключе, заслуживает внимания — например, рассмотрение положения русских в России на протяжении веков. Другие части этой программы, особенно касающиеся будущего, вызывают большой скептицизм. Все это чрезвычайно интересно — с историософской точки зрения.

Что касается реального сепаратизма, то, помимо очень сильного антирусского сепаратизма национальных республик, он до сих пор не стал значимым фактором политической жизни нашей страны. Существуют сторонники отделения от России карельских территорий, есть мечтатели о независимой Пруссии, входящей в Европу, имеются сепаратистские тенденции в Сибири и на Дальнем Востоке. Такие настроения подогреваются чудовищно несправедливым государственно-территориальным и экономическим устройством Российской Федерации, систематическим ограблением целых регионов, политикой препятствования развитию, преференциями «нерусским» национальным республикам за счет русских областей. Мы живем в отвратительно устроенном государстве, и нет ничего удивительного в том, что люди готовы отделиться от него. Фактически, единственное, что их удерживает от политической самоорганизации и реальных действий — понимание того, что любой бунт будет либо жесточайшим образом подавлен, либо, в случае маловероятного успеха, отделившиеся территории будут аннексированы соседними государствами, и положение русских станет еще хуже. Но сейчас можно ожидать всплеска таких настроений — особенно если ужесточение политического режима в сочетании с экономическим кризисом сделает московскую власть ненавистной до *такой* степени, что ей предпочтут китайцев.

Единственное действенное лекарство от сепаратизма — это успех русского национального движения, удовлетворение чаяний русского народа. Если русские обретут свое государство, им не захочется бежать из него куда угодно.

Это что касается сепаратизма в собственном смысле этого слова — то есть желания русских отделиться от Российской Федерации. Но есть другое: стремление избавиться от части территорий, населенных нерусским населением, от которого исходит угроза русским.

Прежде всего это касается кавказского региона. Среди русских националистов имеется достаточно много сторонников отделения Кавказа.

Эта точка зрения подкреплена серьезными аргументами. Вкратце: удержание Кавказа той ценой, которую Россия платит сейчас — начиная от миллиарднодолларовых выплат кавказским сатрапиям из федерального бюджета и кончая безумными преференциями кавказцам в России, их фактическим господством во многих сферах общественной и экономической жизни, — слишком велика. Если же учесть, что фактическое дистанцирование Кавказа от России идет полным ходом, а контроль со стороны Кремля давно превратился в фикцию, то

становится очевидным: продолжение нынешней кавказской политики просто бессмысленно.

Формат отношений с Кавказом должен быть пересмотрен в любом случае. Выбор придется делать между сепарацией, отделением России от Кавказа — или каким-то планом его реконструкции. Пока подобного плана не существует, число сторонников избавления от опасного и проблемного региона будет расти.

В такой ситуации желающие сохранения Кавказа (или любых других нерусских территорий) в составе России должны убеждать русских, что это имеет смысл — а не русские должны оправдываться за свое желание жить спокойно, не платить дань, не подвергаться насилию, не быть зависимыми от «детей гор». Никакие заклинания о «сохранении территориальной целостности России» не приведут ни к чему, кроме дальнейшего озлобления.

Особенно же смешны эти заклинания из уст кремлевских пропагандистов. Специально для них напоминаю: величайшим сепаратистом в русской истории был Борис Николаевич Ельцин. Этот человек был в числе тех, кто, развалив Советский Союз, разделил также традиционные русские земли, признал независимость Украины, Белоруссии, отдал русскую часть Казахстана и так далее. Миллионы русских остались за пределами России. Нынешняя кремлевская власть прямо преемствует ельцинской. Никакого морального права учить русских *Родину любить* эти люди не имеют и иметь не могут.

7. Почему русские националисты в штыки встречают любые инициативы системных партий, направленные на поддержку националистического дискурса, в частности, речь идет о Русском Клубе Единой России и последних инициативах КПРФ?

Мы принимаем в штыки эти инициативы? Покажите же нам эти штыки!

Чтобы не ходить далеко за примерами. Лично я — постоянный участник Русского Клуба, заседания которого охотно посещают и другие деятели русского движения. Я поддерживал инициативы Клуба и принимал участие в их обсуждении и разработке. Я считаю эту деятельность полезной и конструктивной.

Инициативы КПРФ вызвали в среде националистов интерес и бурную дискуссию. Штыки же были выставлены в основном ортодоксальными коммунистами, которые поспешили заклеить Зюганова за «отход от идей интернационализма» и т.п.

Разумеется, все это отнюдь не исключает критического обсуждения этих инициатив, устного и письменного. Но вообще русские националисты крайне позитивно относятся к любым инициативам «системных» партий, когда они делают шаги в правильном, с нашей точки зрения, направлении.

А вот наши уважаемые оппоненты и впрямь встречают в штыки инициативы националистов, их шаги навстречу. Опять же вспоминается характерный эпизод: недавно наш соратник из ДПНИ пришел на «молодогвардейский» митинг против миграции — там на него напали охранники только за то, что он поддержал

некоторые идеи выступающих от имени своей организации... Они хотят видеть только себя и слышать только себя.

Небольшой постскрипtum. Когда я уже заканчивал этот текст, произошло варварское избиение (фактически — попытка убийства) Александра Белова, лидера ДПНИ. Мы не знаем, кто это сделал, хотя предположения довольно очевидны. Но характерно, что «системные силы» не выразили сочувствие и не осудили нападавших. Скорее всего, им даже не пришло в голову, что это следовало бы сделать: ведь русские националисты, по их мнению, находятся, как выразился один политик, «за пределами политического поля» — то есть с ними можно обращаться как угодно. Такое отношение трудно забыть и трудно простить.

8. Почему русские националисты постоянно ссорятся и не могут создать единого националистического движения?

Русское национальное движение выделилось из общепротестного «патриотического» движения только в середине нулевых. До того русский национализм в чистом виде практически не встречался.

В восьмидесятые и девяностые годы то, что сейчас считают «ранним русским национализмом», было смесью сентиментального народничества в духе «писателей-деревенщиков», православного фундаментализма, конспирологии (отечественной и западной), острой ностальгии по СССР, культа сильного государства, разного рода мифов и общего недовольства существующим положением вещей. Люди тогда верили в самые странные вещи и не понимали, что происходит в реальности. Когда же муть в головах начала помаленьку оседать, ее принялись усердно взбивать — в чем преуспел, например, Жириновский (роль ЛДПР в политической жизни девяностых вообще невозможно переоценить).

Тем не менее, постепенно «общепротестная», «красно-коричнево-бело-не-пойми-какая» идеология все же разложилась на фракции. Это породило целый спектр «идеологий через черточку», где слово «национализм» играло роль своего рода приставки, а дальше шло главное: «национал-большевизм», «национал-монархизм», «национал-империализм», «национал-анархизм», «национал-технократия» e tutti frutti.

У всех этих идеологических конструкций было одно общее, оно же и разъединяющее: *второе слово*. «Национализм» в них всегда был подчиненным моментом, средством. Целью же была «монархия», «истинный социализм», какая-нибудь «империя», или, наоборот, «революция» («духовная» или социальная), в общем — что-то такое, чему русский национализм должен послужить в качестве топлива. И уж конечно, национал-анархист не может не ссориться с национал-монархистом: ведь каждый из них рассчитывает на один и тот же ресурс (то есть на русский народ), но собирается использовать его для совершенно различных проектов. Неудивительно, что вся эта публика постоянно конфликтовала между собой, а все усилия по объединению на какой-то общей платформе терпели крах. Достаточно было прийти в любое собрание националистов и громко сказать — «Распутин был святым!» (или «Сталин был людоедом!»), чтобы все

присутствующие тут же, бросив прочие дела, принялись бы ожесточенно препираться по этому поводу.

На все это накладывались обычные беды маргинальных движений: мелкие амбиции лидеров, организационная беспомощность, банальная бедность.

Настоящий национализм начинается там, где «второе слово» перестает быть главным. *Русский народ не является средством для чего бы то ни было* — Государства, Империи, Космической Экспансии, Белой Расовой Солидарности, Социальной Справедливости, Исторической Миссии и т.п. Все «великие проекты» имеют смысл и ценность ровно настолько, насколько они полезны русской нации. С осознания этой простой мысли — *русские нужны сами себе*, а не как ресурс или топливо для чего-то внешнего, сколь бы привлекательным оно ни было, — и началось русское движение в подлинном смысле слова.

О перспективах. Я не думаю, что русское движение придет (или хотя бы должно стремиться) к «единству», если под ним понимать единую организацию, «руку миллионнопалую», управляемую каким-нибудь «харизматическим вождем». Нет, я не исключаю подобной перспективы, но считаю ее реализацию маловероятной. На наших глазах складывается иная система — а именно, сеть русских организаций, тесно координирующих свою деятельность, связанных совместными проектами, перекрестным членством, личными контактами, и, конечно, общей целью — созданием русской нации и строительством русского национального государства.

Уже сейчас мы видим, что русские организации, которые стоят на позициях последовательного национализма, умеют договариваться между собой, невзирая на идеологические симпатии и антипатии. Это, конечно, не сняло всех противоречий и никогда их не снимет. Тем не менее, принятие чистого национализма за основу делает возможным конструктивный диалог — как друг с другом, так и с иными политическими силами.

9. Как именно русские националисты намерены решать вопрос исторического примирения поколений, учитывая наличие как красного, так и белого дискурсов в националистическом движении и непримиримые разногласия между ними?

В настоящий момент и «красный», и «белый» дискурсы — это прежде всего *дискурсы*. То есть: агрессивные риторические конструкции, предназначенные, прежде всего, для стимуляции определенных чувств. Грубо говоря, это поводы для ругани между людьми, любящими ругаться по разным поводам, обвиняя друг друга в грехах и преступлениях предков (идейных и реальных), призывая друг друга к покаянию и одновременно понося друг друга последними словами. Все это чем дальше, тем больше напоминает борьбу нанайских мальчиков.

На этом фоне наша власть осуществляет своего рода практический синтез «красной» и «белой» идей. Мы живем в странном «красно-белом» государстве, причем и от «красного», и от «белого» взято худшее — например, узнаваемо советские практики политического подавления масс гармонично сочетаются с

дичайшим социальным неравенством, заставляющим вспомнить чуть ли не крепостничество, «и так во всем».

Мое мнение по этому вопросу таково. Русские националисты могут придерживаться разных взглядов на те или иные страницы прошлого нашей страны. Важно то, что они думают по поводу ее настоящего и будущего.

Впрочем, если уж говорить об «историческом примирении красных и белых», то именно русский национализм может предложить убедительную формулу такового.

Ужасы российского двадцатого века были predeterminedены Гражданской войной. Она стала возможной, в свою очередь, потому, что обе стороны, каждая по-своему, отрицала национальные чувства и тем более националистическую идеологию.

Коммунисты, как известно, были интернационалистами, причем интернационализм того времени был таков, что его можно назвать «антирусским антинационализмом». Но их противники, известные сейчас как «белое движение», тоже не были русскими националистами: их идеология представляла собой противоречивый сплав старой «имперской» идеологии (основанной на сословных и религиозных ценностях, а также на традиции служения государству), «февральского» либерализма, неких вариантов небольшевистского социализма и т.п.

Обе стороны конфликта решали свои проблемы за счет русского народа. Можно спорить, кто в этом повинен больше, у меня тоже есть своя точка зрения на эту тему. Но нельзя отрицать, что известное «красные придут — грабят, белые придут — грабят» довольно точно описывало народное восприятие происходящего. Эту народную правду нельзя замазать ни «красными», ни «белыми» агитками: так было.

Но самое главное и самое страшное состояло в том, что *русские убивали русских*. Убивали много, систематически. Свои убивали своих. Не потому ли сейчас русские так подозрительно относятся друг к другу, так боятся объединения, с такой готовностью отказываются от себя и своих интересов, что в нашем прошлом был такой опыт, и он еще не пережит и не сделался историей?

Так вот: ситуация, когда русские массово убивают русских во имя каких бы то ни было идей и целей, для националиста неприемлема в принципе. Для него не может быть привлекателен ни «красный» интернационализм (то есть сознательное отрицание национализма, пусть во имя таких прекрасных вещей, как всемирное братство, свобода от эксплуатации, построение справедливого общества), ни «белый» недонационализм (то есть попытка обойтись старыми идеями служения таким прекрасным вещам, как государство, монархия, церковь, честь, нравственные идеалы и т.п.). Разумеется, он может больше сочувствовать тем или иным идеалам (сколь угодно замечательным), но ровно до того момента, пока эти идеалы не становятся поводом к истреблению русских людей.

Национализм — это прекращение гражданской войны, как в обществе, так и в отдельно взятом человеке. Он выводит за рамки «красно-белого конфликта», дает цельность, силу и свободу русскому духу.

В заключение еще отмечу, что «красно-белый конфликт» имеет важную политико-правовую составляющую.

Россия так и не восстановила свою преемственность от Российской Империи — что является конкретным, очень важным и имеющим огромные практические последствия, вопросом. С другой стороны, «левое», «советское» прошлое тоже является своего рода недооцененным активом — особенно если левая идеология получит новый шанс в изменившихся исторических условиях. Нет никакой необходимости поступаться чем-либо из того, что является частью нашей истории и принадлежит нам.

Впрочем, повторяю, на эту тему имеет смысл разговаривать, только покинув ту арену, где возятся красные и белые нанайские мальчики.

10. Что именно русские националисты думают о собственности в России, в том числе об итогах приватизации, и намерены ли они в случае прихода к власти предпринимать какие либо действия в отношении пересмотра итогов приватизации?

«Непересмотр итогов приватизации» — это краеугольный камень нынешней российской государственности, ее священная корова, в жертву которой уже принесены миллионы русских жизней (не говоря о материальных и духовных ценностях) и будут принесены еще миллионы и миллионы. Кажется, что это государство готово истребить всех русских, чтобы только сохранить в руках новых элит ту огромную собственность, которой они обладают.

Русские националисты, разумеется, считают итоги приватизации национальной катастрофой. И дело тут не только в нарушенной справедливости. Важно не только то, какими путями нынешние собственники приобрели собственность, но и то, что они с ней делают сейчас.

Нынешний клан владельцев приватизированной собственности доказал на деле, что их деятельность вредна «даже с точки зрения экономической». Люди, продающие за бесценок доставшиеся им даром минеральные богатства страны (может быть, с минимальной обработкой таковых) и прячущие деньги в оффшорах — это даже не капиталисты, а самые обыкновенные грабители.

Поскольку же они грабители, то они не воспринимают доставшиеся им богатства именно как собственность — и, кстати, абсолютно не уважают чужую собственность. Потому-то под прикрытием лозунга «непересмотра итогов приватизации» идет непрерывный передел активов, отъем собственности одними кланами у других, с активнейшим участием государства в этом процессе. Этот и составляет суть экономической жизни РФ.

Разумеется, никакое развитие в таких условиях просто невозможно. Таким образом, приватизированная собственность и клан ее владельцев угрожают российскому обществу в целом. Это главный фактор нестабильности и деградации, как экономической, так и социальной, культурной и т.п. Это болезнь, которая разъедает весь общественный организм в целом.

Впрочем, приватизированная собственность и ее владельцы — всего лишь верхушка пирамиды. Националисты считают не менее возмутительными и вопиющими такие явления, как фактическая монополизация выгоднейших секторов экономики союзом чиновничества, силовиков и этнических мафий, произвол в распределении государственных ресурсов (которые достаются им же), колоссальное давление на бизнес, и так далее. Сюда же мы относим политику государства, приводящую к уничтожению высокотехнологичных и наукоемких производств, разрушению науки и культуры, и так далее.

Фактически русский народ отстранен как от прав на российские природные богатства, так и от возможности богатеть какими бы то ни было способами, кроме морально неприемлемых или незаконных. Русские находятся в ловушке искусственной бедности, из которой один выход — национальное освобождение, за которым последует и все остальное.

Но вернемся к приватизированной собственности и ее судьбе. Стоит отметить, что пересмотр итогов приватизации вовсе не требует никаких революций, террора, рек крови и т.п. Достаточно соблюдать законы — современные российские законы. Это было наглядно продемонстрировано на том же «деле ЮКОСа» — каковое, заметим, отнюдь не привело к катастрофическим последствиям.

Однако пересмотр итогов приватизации не может быть самоцелью. Важно, что будет *после* этого.

Очевидно, новая национализация собственности, то есть передача ее в руки государства, бессмысленна — поскольку эта собственность снова окажется не в руках русского народа, а в руках чиновников, которые рано или поздно (а скорее всего — сразу) начнут использовать ее для личного обогащения. Граждане, ответственно относящиеся к государству, не подвергают его служителей таким искушениям. Те же самые последствия наступят при попытке простой, не отягощенной никакими обязательствами, передачи этой собственности в частные руки, сколь угодно чистые и незапятнанные. Нет никакого смысла менять одну камарилью собственников на другую, которая тоже заведет оффшорные счета и начнет дербанить российские богатства.

Решение состоит в создании механизмов ответственности собственников (или управляющих собственностью) перед русским обществом — замечу, не перед государством, а именно перед обществом в целом. Государственных чиновников можно купить или запугать; общество в целом купить или запугать нельзя.

Эти механизмы могут быть экономическими, административными или какими-то другими. Целый комплекс таких мер реализован в современных западных демократиях, равно как и на развитом Востоке — в Японии, Южной Корее,

Сингапуре и других странах. Не исключено и появление оригинальной российской модели. Все это должно стать предметом широкой общественной дискуссии, на которую сейчас наложено фактическое табу. Ближайшая задача русской политической мысли — инициировать и развернуть такую дискуссию.

Сказанное не исключает возможности временной национализации некоторых секторов экономики — в особенности нефтегазового комплекса, имеющего решающее значение для формирования доходной части бюджета.

Стоит еще упомянуть тему реституции — эта идея популярна среди части русских националистов правых взглядов. Они полагают, что собственность, экспроприированная советской властью, должна быть возвращена потомкам законных владельцев. В Восточной Европе реституция была проведена. В России фактическая реституция проводится государством по отношению к церковной собственности, и националисты это, как правило, одобряют (хотя и не все). Я лично не имею никакого мнения по этому вопросу. Скорее всего, этот вопрос следует решить в ходе общественной дискуссии.

Кроме того, националисты ставят вопрос о собственности России за рубежом. Речь идет об очень значительных активах, стоимость которых огромна. Эта тема тесно связана с восстановлением правопреемства с Российской Империей. Разумеется, нынешние российские власти, озабоченные вывозом из страны всего ценного, а не наоборот, никогда не будут поднимать эту тему, поскольку это повредит их личным финансовым интересам на Западе. Так, например, Русской Православной Церкви принадлежала немалая земельная собственность в Палестине. Советское руководство фактически подарило большую часть этой собственности Израилю, но даже ее остатки имеют огромную ценность. Кто, кроме русских националистов, способен хотя бы начать обсуждение этих вопросов?

11. Каким образом русские националисты собираются заниматься сбережением нации?

«Сбережение народа» — лозунг, выдвинутый впервые Солженицыным. Он подразумевает физическое, экономическое, культурное и национальное возрождение русских.

Начнем с самого простого, демографического аспекта. Численность русских стремительно сокращается. Основная причина — сверхсмертность, особенно мужская, не имеющая аналогов в современном мире (включая развивающиеся страны). Простой перечень уже известных причин сверхсмертности занял бы несколько десятков страниц убростого текста. Начать пришлось бы с актов геноцида (например, на Кавказе), а закончить — например, обсуждением химического состава содержимого пивных и водочных бутылок (которые содержат не только алкоголь, но и просто различные яды).

Но все это разнообразие причин укладывается в одну парадигму: практически в каждом конкретном случае мы видим либо попустительство государства, либо его прямое поощрение тех или иных, губительных для русских, мер и действий.

Фактически можно говорить о политике *русоцида*, истребления русских как народа.

Я сейчас не буду обсуждать вопрос о степени осмысленности и целенаправленности этой политики. Достаточно обозначить главное: *прекращение русоцида во всех формах является первоочередной задачей русского национального государства*. Без этого все остальные меры — типа «повышения рождаемости» и т.п. — не будут иметь никакого смысла.

Однако все это касается планов на будущее. Но ведь, в отличие от экономики — в которой правила игры задает прежде всего государство, и где без обладания властью ничего изменить нельзя — жизнь народа и его состояние хотя бы отчасти зависят от него самого. Могут ли русские националисты уже сейчас предложить что-то полезное для русского народа и его сбережения?

Да, могут. Русские националисты способствуют сбережению русского народа уже сейчас. Хотя бы тем, что именно русские националисты сейчас являются единственными строителями гражданского общества в России. Именно русские националисты помогают людям защищать себя в опасных ситуациях столкновения с антирусскими силами (в том числе государственными), организуют их и направляют их усилия в конструктивное русло. Так, в последние годы развивается русская правозащита, причем каждый успех в этом направлении оказывает оздоравливающее моральное влияние на множество людей и служит примером обществу в целом — точно так же, как каждая неудача, каждый акт несправедливости по отношению к любому русскому человеку оказывает негативное влияние на общество в целом. Подробнее я писал об этом [здесь](#); не хочу повторяться.

Я уже не говорю о том, что само сообщество русских националистов является более здоровым, — биологически и морально — чем русское общество в среднем.

Так было не всегда. Я помню, в начале девяностых годов средний русский патриот был, как правило, унылым, депрессивным существом, живущим ностальгией по разрушенной стране и утраченному будущему. В то время как вокруг сновали люди с блестящими глазами, одержимые разными надеждами — кто пытался разбогатеть, кто уехать на ПМЖ в «развитую страну», кто надеялся на скорое торжество демократии и животворную руку рынка.

Сейчас ситуация кардинально изменилась. Средний российский обыватель перестал надеяться на что-либо хорошее. Все возможности схватить фортуна за хвост закончились в те же девяностые, и он понимает, что навеки останется в той общественной страте, куда его занесла судьба — и это еще в самом лучшем случае. В демократию обыватель не верит, да ее еще и нет, и, что всем очевидно, при нынешнем режиме не будет — а режим кажется вечным.. Он воспринимает страну, в которой живет, в лучшем случае как серый фон, а в худшем — как постыльную клетку, куда его за что-то посадила судьба. Он не хочет заводить детей, потому что не понимает, заслуживает ли его род продолжения. Если дети у него есть, он не знает, что с ними делать. Он постоянно ощущает груз какой-то бесконечной вины, непонятно кем и за что на него возложенной. Он одержим синдромом

россиянина — то есть боится даже мысленно осуждать тех, кто причиняет ему зло, а когда видит несправедливость, обвиняет жертву, а не злодея. Он вообще всего боится — и при этом ни к чему не готов.

Разумеется, он старается обо всем этом не думать — и в результате начинает бояться думать вообще.

Зато русский националист понимает, зачем живет. Вокруг него — не черная дыра, а родная земля, которую он должен вернуть себе и завещать потомкам. Он знает, что его жизнь имеет ценность, его усилия не тщетны, а враги, хотя и сильны, но все-таки не всесильны. У него есть за что уважать себя — в сегодняшней ситуации само участие в русском движении является достаточным поводом если не для гордости, то для самоуважения. Возможно, ему не хватает уверенности и он не всегда понимает, что делать — но, по крайней мере, у него есть ориентиры.

12. Какая политика, по мнению русских националистов, должна проводиться в отношении стран СНГ?

Так называемые «страны СНГ» — это образования, спонсируемые Россией в самых разных формах, начиная от огромных экономических преференций и кончая бесконечными политическими уступками, иногда чудовищными (достаточно вспомнить российско-украинские договоры). Россия буквально вскормила все эти режимы. Сейчас это открыто признают даже сами российские государственные деятели (особенно отставные: у нас принято проявлять государственную мудрость только после сдачи дел).

При этом практически все эти режимы настроены антироссийски, разница лишь в стилистике. Никаких «пророссийских политиков» на пространстве СНГ уже давно не осталось — если они когда-нибудь были.

Все это не мешает политической элите России и стран СНГ теснейшим образом сотрудничать — по части попила бабла. Именно это и является главной причиной столь странной политики: *общность частных интересов*.

При этом, если режимы СНГ являются националистическими, и их политики (при всей своей продажности, коррумпированности и т.п.) в той или иной мере учитывают интересы своих народов, то российские власти не сдерживаемы ничем.

В результате все издержки подобной политики несет Россия и русский народ.

То же самое можно сказать и обо всех внешнеполитических связях России вообще. Все они имеют одну цель: личные выгоды, достигаемые за счет продажи, сдачи или предательства общероссийских интересов — экономических, геополитических, каких угодно.

Поэтому изменение формата отношений с этими государствами должно происходить в русле нормализации самой российской государственности. Русское национальное государство не будет вести политику, сводящуюся к перманентному

национальному предательству. Оно будет вести себя именно как государство, а не как частная лавочка по торговле наследием предков.

Что касается конкретики, будущих конфликтов и будущих союзов, движения армий и очертаний границ, то фантазии на эту тему столь же легки, сколь и беспочвенны. Вообще-то мы не знаем, что случится с миром в следующем году. Поэтому строить обширные планы на будущее сейчас бессмысленно.

13. Как русский националист относится к понятию империи, ее культурной и цивилизаторской функции?

«Империя» — типичный симулякр, да простится мне такое учёное (в плохом смысле) слово.

Россию испокон века обвиняли в «деспотизме» и, в частности, в «империализме». Делали это настоящие, без дураков, империалистические державы, всюду грабившие колонии, торговавшие рабами и вообще «ни в чем себе не отказывающие». Все это делалось, разумеется, во имя добра и прогресса. Россию же поносили последними словами — как дикую, отсталую, варварскую и отвратительную страну. Агенты влияния запустили гнусное выражение «тюрьма народов» и наловчились поднимать гевалт по поводу «ущемлений прав» разных наций. Все это было подхвачено идиотами и изменниками внутри России и умными инородцами на ее окраинах, которые не могли упустить случай поживиться. Все это сыграло огромную роль в страшных событиях начала прошлого века.

Советский Союз придерживался антиимпериалистической идеологии — причем не на словах, а на деле. Так, именно СССР сыграл огромную роль в деколонизации: отнюдь не случайно в гербах некоторых независимых стран присутствует такой негламурный предмет, как автомат Калашникова. Внутри же страны проводилась политика насильственного перераспределения ресурсов от русских земель национальным окраинам: их «опережающее развивали», всегда за счет русских. Это касалось не только денег, но и политических, и культурных преференций. Русский старший брат работал за все семейство, не получая ничего взамен. Разумеется, СССР продолжали называть империей. Поскольку *империей русского народа* его было назвать невозможно при всем желании, его в конце концов обозвали «Империей Зла».

В горбачевские времена старую песню про тюрьму народов затянули снова — на этот раз «прорабы перестройки». «Империя» — на сей раз применительно к СССР — стало общераспространенным ругательством в перестроечной публицистике. Борьба с «империей» была объявлена священной — и выиграна.

В девяностые годы это слово было подхвачено патриотическими силами. Это было вызвано теми же психологическими причинами, что и симпатии к «фашизму», «Гитлеру» и «прочей свастике»: поскольку в лексиконе ненавистных либералов это слово было бранным и ненавистным, национально мыслящие интеллектуалы начали усердно восхвалять империю, ее величие, ее ценности и т.п. Все это сопровождалось восхвалением насилия, централизации, авторитаризма,

охранительства, строгости нравов, опричинины, ежовщины-бериевщины, сапога и плетки и тому подобных ценностей. Назло либералам на все это принялись усердно молиться — как и на свастику с присущем ей зигхайлем.

Но в отличие от пресловутого «фашизма», который оказался удобным предложением для стигматизации русского движения, «имперство» имело иную, на первый взгляд, более счастливую судьбу.

После крушения либеральной идеологии власть обратила внимание на «имперство» и начала этим настроениям покровительствовать — не то чтобы открыто, но ощутимо. Начались разговорчики про «либеральную», «энергетическую» и прочие «империи». В какой-то момент даже казалось, что «имперство» имеет шансы стать чем-то вроде неофициальной идеологии РФ — примерно как «державность» в СССР. Это было нечто, о чем власть прямо не говорила, но на что усиленно намекала — особенно делая очередную конкретную гадость русским людям. «Все это жертвы, приносимые величию Империи» — шептали пропагандисты и косили глазом на это величие, которое вот-вот появится.

Что за всем этим стоит на самом деле?

Начнём с фактов. Россия никогда не была империей — в традиционном западном смысле. Если она и была тюрьмой, то лишь для одного народа — русского. Русские в России не имели никаких выгод от эксплуатации колоний, потому что у России не было колоний, а были окраины, которые больше брали, чем давали. Можно понять, зачем и почему они понадобились: в основном это было связано с военно-политическими соображениями. Россия стоит буквально на семи ветрах, на перекрестке Евразии, не защищенная от врагов ни горами, ни морями. Некоторые территории — тот же Кавказ — пришлось присоединять только потому, что это был единственный на тот момент способ прекратить постоянные набеги, пресечь агрессию. Но окраины не были объектом систематической эксплуатации — русские цари так и не научились этой европейской науке. Увы, все тяготы и повинности государственного строительства и расширения нес русский народ. Если кого и закрепощали — в прямом смысле слова — то именно русских.

Стоит еще отметить, что все по-настоящему ценные территориальные приобретения России были сделаны не благодаря политике центральной власти, а вопреки ей. Особенно это касается освоения Сибири и Дальнего Востока — часть русской истории, с которой современный россиянин вообще не знаком. Фактически это было массовое движение русского народа, точнее — его лучших представителей, которые раздвигали границы державы на свой страх и риск. «Империя» же изо всех сил боролась с этим движением, стремясь к максимальной изоляции. В частности, именно «охранительное имперство» повинно в унижительном и нелепом крушении Русской Америки — с каковым проектом в русской истории связано очень многое (вплоть до причин декабристского восстания).

Специалисты называют традиционную Россию «империей наоборот» — то есть страной, где «метрополия» живет хуже и имеет меньше прав, чем «колонии». СССР уж точно был «обратной империей» — с определенной точки зрения Союз

удобно рассматривать как совокупность метрополий, имевших общую колонию, то есть «русскую Россию», и нещадно ее эксплуатировавших.

Все это, впрочем, отдельная тема, представляющая сейчас чисто исторический интерес. Как я говорил по поводу других тем такого рода, важно не то, что могло быть, а то, что есть и будет. Поэтому вопрос должен быть поставлен так: имеет ли сейчас — и в близком будущем — имеет ли смысл России играть в «империю»?

Ответ прост. Империи — классические западные империи с колониями — похоже, отошли в прошлое. Сейчас приняты иные, куда более эффективные способы и приемы эксплуатации чужих стран и народов. И уж тем более русскому народу нет ни малейшего смысла стремиться восстанавливать «империю наоборот» — то есть снова становиться объектом эксплуатации закавказских, среднеазиатских и прочих стран и народов.

При этом совершенно отдельной темой является реинтеграция собственно русского пространства — о чем я скажу ниже.

14. Может ли российское государство оставаться в тех же географических границах, если встанет на путь национализма, в какую сторону должно проходить изменение границ, если должно и каким образом?

Одна из любимейших попевок врагов русского движения — запугивание «распадом страны». Нас кошмарят: если русские начнут подавать голос, требовать себе каких-то прав, и уж тем более сопротивляться инородческому игу, то могучие народы многонациональной России возмутятся, немедля восстанут, отделятся, и Россия останется «в пределах Московского царства», а то и Садового кольца. Поэтому русские должны сидеть тихо и терпеть все, что бы с ними не делали, *во имя единства страны*.

Начнем с последнего. Для националиста государство и даже страна — при всей их несомненной ценности — все же не так важны, как само существование и процветание его народа. Государство — это всего лишь машина управления, а страна — место жительства. Конечно, важно иметь свой дом и участок, и нужно сражаться за каждый сарай. Но если мы все умрем, защищая сарай, то в твой дом вселится кто-то другой. Дом, конечно, останется, и, может быть, к нему что-нибудь пристроят — но нам от этого легче не будет. Не будет нам хорошо и в том случае, если из этого дома сделают для нас тюрьму. Сидя в сыром подвале на цепи, трудно восхищаться красотой двускатной крыши и резными наличниками.

И если ценой существования государства под названием «Российская Федерация» в ее нынешних границах является вечное бесправие русского народа, его унижение и эксплуатация властями и инородцами, а в перспективе вымирание — в таком случае лучше всё что угодно, чем *такое* государство.

Но, к счастью для нас, предлагаемый выбор — терпеть и умирать или «сократиться до размеров Московского княжества» — ложен.

На самом деле единственной причиной всех недовольств и возмущений со стороны всяких «народов и национальностей» является униженное положение русских. Они понимают, что русские слабы и беззащитны, а центральная власть занята борьбой с русским народом и не может на этот народ опираться, так как он ее терпит, но не поддерживает. Почему бы в таком случае не разговаривать с этим народом и этой властью с позиции силы?

Сейчас любой «маленький, но гордый народ», возглавляемый криминальной элитой, может добиться от Кремля каких угодно уступок — в обмен на внешнюю лояльность и чисто символическое «сохранение единства страны». Достаточно посмотреть на современную Чечню, являющуюся, фактически, самостоятельным государством, в чьи дела центральная власть практически не вмешивается — зато любые требования чеченцев, самые дикие и противозаконные, исполняются беспрекословно. Чеченцы могут потребовать всего, чего угодно — начиная от денег и кончая кровью русских офицеров (вспомните дела Ульмана и Аракчеева!), и им все это дают. Если это и есть «сохранение территориальной целостности», то это *пиррова* территориальная целостность.

Если же русские начнут сопротивляться угнетению и унижению, их начнут уважать. С сильными считаются и стараются договориться. Возрастет и уважение к российской власти, у которой появится реальная опора — многомиллионный русский народ, сильный и сплоченный. Это укрепит целостность России.

Скажу больше. Если русский народ наконец станет хозяином в своем доме, правящей нацией в своем национальном государстве, то большинство нерусских народов воспримет это *с облегчением*. Именно народов, а не их элит — которые потеряют возможность бесконечно грабить Россию. Но для обычных татар, бурят или чукчей русское национальное государство будет, скорее, более комфортным, чем нынешняя «многонациональная» РФ.

Есть, разумеется, проблемные регионы — тот же Кавказ, или некоторые другие «национальные республики» (например, Якутия), где ситуация зашла очень далеко. Я уже касался этого вопроса в другом месте. Здесь необходима либо сепарация, либо реконструкция, в зависимости от ситуации. В любом случае, сейчас об этом говорить рано.

Это с одной стороны. С другой — существует проблема разделенного русского народа, который имеет право на воссоединение. Есть русские земли, находящиеся в составе других государств, есть также территории, с которых русские были изгнаны.

Национальная Россия при определенных обстоятельствах может начать процесс ирреденты, возвращения утраченных земель. Сейчас рано говорить о том, как он мог бы проходить и в каких формах — поскольку это возможно только в ситуации, когда национальное государство в России уже построено.

То же касается и планов реинтеграции «славянского ядра». Русские националисты считают украинский и белорусский народы частями разделенной русской нации. Воссоединение — в той или иной форме — пока еще возможно. Но оно возможно

только в том случае, если русские повысят свою привлекательность в качестве национальной общности. Сейчас быть русским элементарно невыгодно: русские — забитый, униженный народ, не имеющий власти даже в собственном доме. Конечно, в такой ситуации лучше уж быть украинцем — это, по крайней мере, звучит гордо.

Если же Россия станет русской, она станет центром притяжения для всех славянских государств: всем захочется разделить успех русского народа, участвовать в нем. Это открывает соответствующие политические перспективы, о которых нынешняя российская власть не может и помыслить — да и не хочет этого, по причинам, изложенным выше.

15. Какие народы являются агрессивными и враждебными по отношению к русскому народу?

Вопрос отчасти предполагает, что народы имеют некие постоянные склонности друг к другу, своего рода «избирательное сродство». Лев Гумилев, чьи теории крайне популярны в современной России — их влияние можно сравнить с влиянием вульгарного фрейдизма на Америку середины века — назвал это «комплиментарностью». Он, в частности, утверждал, что тюркские народы «комплиментарны» русским, а западные — «некомплиментарны». Сейчас этим термином — как и пресловутой «пассионарностью» — пользуются все кому не лень.

Я не буду заниматься критикой гумилевских теорий. Посмотрим на вещи проще. Народы, как и люди, действуют, исходя из своих интересов, как они их понимают. Эти интересы меняются. Вражда и дружба народов приходит и уходит. Например, в 1941 году главным национальным врагом русских были немцы. То, что они делали в России, было чудовищно. Русские платили им ненавистью. Но сейчас ни немцы, ни русские не считают друг друга своими главными врагами — хотя, конечно, историческая память никуда не делась. Русских националистов даже упрекают в излишнем увлечении «всем немецким» — о чем я подробно говорил выше.

Сейчас подавляющее большинство нерусских народов относится к русским скверно. Как минимум — без уважения, как максимум — просто как к жертве. Особенно это относится к самым диким, самым агрессивным народам, в среде которых ценится только сила. Видя чужую слабость, они нападают. Справедливости ради отметим, что друг с другом они обращаются так же. Но и более мирные демонстрируют на практике все то же самое. Когда их мало и они слабы, они боятся русских, но не уважают их. Если они получают хоть какую-то власть, то принимаются теснить русских, лишать работы и дохода, не давать житья, господствовать над ними во всем, начиная с экономических отношений и кончая политическими. В ситуации полной безнаказанности — грабят, насилюют, убивают.

Но и «цивилизованные», по нашим представлениям, народы — например, те же прибалты, которыми в советское время так восхищались и видели в них

«европейцев» — относятся к русским не лучше. Они делают то же самое, но «культурными, цивилизованными методами».

Так или иначе, в глазах всех народов современные русские — это люди второго сорта.

Главная причина тому — положение русского народа в России (не говоря уже о других государствах). Русские находятся в тяжелейшем состоянии, так как антинародная и антирусская власть подавляет и угнетает их, причем не только своими руками, но и поощряя к этому все остальные народы и даже откровенно союзничая с ними в этом вопросе. Большинство русских не видело иных порядков и считают это если не нормальным, то неизбежным.

Русское движение стремится к тому, чтобы изменить положение дел — для начала изменив отношение русских к факту собственного угнетения. По мере того, как русские начнут осознавать свои права и интересы и отстаивать их, отношение к ним будет меняться. Оскалы вновь сменяются улыбками, наглость — восточной вежливостью, ненависть — гостеприимством. Нашим детям придется смотреть старые записи «шариатских судов» и читать книги о резне и погромах на Кавказе, чтобы понять, что представляют собой на самом деле эти милые, улыбчивые люди... Впрочем, до этой прекрасной поры надо еще дожить.

16. Что именно хотят построить в России русские националисты в случае прихода к власти?

Русское национальное государство.

Я не буду тут «разворачивать всякие панорамы» и описывать, как сладко и ладно будет в нем жить. Это и глупо, и вульгарно. Я попробую вместо этого описать те базовые ценности, которые в таком государстве должны быть реализованы.

Общие принципы. Русское государство будет строиться по принципу «*никогда больше*».

То есть: все его институты должны работать на то, что *завоеванные русскими права и свободы не могли бы быть у них отняты снова, чтобы никогда больше не повторился русоцид*.

Покажем работу этого принципа на примерах.

Так, с точки зрения националистов экономическая система, основанная на государственной собственности на средства производства, неприемлема — так как эта собственность может быть использована во вред русскому народу, а впоследствии приватизирована или каким-либо иным образом передана в руки иностранцев или этнических мафий. Русские должны владеть собственностью непосредственно, иметь ее в своем распоряжении. С другой стороны, должны существовать механизмы ответственности собственников и определенный уровень общественного контроля за экономикой — по тем же самым причинам.

Другой пример. Русский народ должен иметь все права на владение оружием. Разоружение народа неприемлемо, так как нельзя исключить прихода к власти антинациональных сил, которые снова начнут проводить политику русоцида. У русских должно быть право и возможность восстать против подобной власти и иметь шансы на победу. Поэтому, в частности, желательно, чтобы количество оружия в частных руках превосходило вооруженность армии и внутренних войск, существовала бы система гражданской обороны, находящаяся в общественном ведении, и т.п.

Все остальное должно соответствовать тому же принципу: отношение к демократии, государственное устройство, самоуправление, внешняя политика и так далее.

Рассмотрим, однако, некоторые самые важные следствия.

Демократия. В России, как известно, было все, кроме классической демократии. Сейчас она тоже непопулярна. Власть построила элитарный авторитаризм, зачем-то называемый «суверенной демократией» (впрочем, кажется, от этого курьезного термина уже отказались). Либеральная интеллигенция мечтает о своего рода элитарной анархии, как в начале девяностых, когда «совесть нации» и «контролеры дискурса» через телевизор будут окучивать одуревшее от ужаса население и учить начальство любить Окуджаву и театр на Таганке. Прагматичные «лица национальностей» устроили у себя в республиках и автономиях маленькие хищные этнократии, жестокие, зато эффективные — особенно в плане выбивания ресурсов из российского бюджета. Наконец, всякие «евразийцы», «державники» и прочая экзотическая нечисть проповедует, что русским нужен сапог и плетка, царь на троне и опричнина в уездах, и что только кровь и массовые расстрелы спасут Россию. В общем, все предлагают какую-нибудь дрянь — едины они только в том, что русские должны выбирать именно из дряни.

Подобные взгляды — то есть надежды на «сильную руку» и т.п. — были одно время распространены среди русского движения. И сейчас какая-то часть наших соратников придерживается подобных воззрений. Это их право — всякий имеет право на ошибку, особенно если его долго били по голове, в прямом и переносном смысле. Наслушавшись, скажем, речей Новодворской, трудно избежать произвольного прилива симпатий к Сталину и Берию. Если же вся эта дрянь льется сплошным потоком, то подобные симпатии могут стать устойчивыми. Все люди, в девяностые годы смотревшие телевизор и читавшие газеты, травмированы — и последствия этой травмы изжить не так-то просто.

Но, несмотря на все это, основное направление развития националистической мысли совершенно иное. Сейчас можно сказать, что русские националисты — чуть ли не единственные люди в России, последовательно отстаивающие *классические демократические ценности*. Не либеральные (которые сейчас заключаются в утверждении прав всевозможных меньшинств), а именно классические демократические, то есть права большинства.

В России большинство населения страны — это русские (по крайней мере, пока). Демократические и национальные требования, таким образом, совпадают по факту.

Но они совпадают и по смыслу. Организованная нация имеет право и даже обязана самоуправляться.

Лично я представляю себе будущую национальную Россию как государство с последовательно проведенным разделением властей. реальной многопартийностью (скорее всего, это будет двухпартийная система) и развитой сетью русских общественных организаций, активно вмешивающихся в политику и административную практику. Другие придерживаются иных точек зрения на возможное устройство страны, некоторые изобретают довольно экзотические варианты (например, такие, которые проповедует Армия Воли Народа и другие левые национальные организации). Но то, что народ не должен отдавать власть в руки автократов, какими бы лозунгами они не прикрывались, понимают, кажется, все.

Государственные институты. Сейчас абсолютно все системообразующие институты государства находятся в ужасающем состоянии. Правоохранительные органы превратились фактически в «самую сильную банду», занимающуюся поборами и осуществляющие организованное насилие над русским населением. Спецслужбы занимаются тем же самым. Так называемые «внутренние войска» — предназначенные для борьбы со своим народом — неуклонно увеличивают свою численность. Милиция «чернеет»: силовые структуры заменяют свой личный состав на нерусских (понятно, почему и зачем). Справедливого правосудия не существует: суды либо выполняют приказы политического руководства, либо, за неимением таковых, продают свои решения за деньги. Коррупция чиновничьего корпуса ужасает. В российских тюрьмах сидит больше народу, чем при Сталине. Армия превратилась в машину по перемалыванию костей новобранцев... Дальше, думаю, можно не продолжать — этот список «наших обычных бед» может продолжить каждый, кто живет в Российской Федерации (назвать ее «нашей страной» не поворачивается язык).

Из этого следует простой вывод: необходимо воссоздание институтов нормального государства.

Некоторые самые неотложные меры очевидны. Так, практически все русские националисты являются сторонниками вооружения русского народа: можно, пожалуй, говорить о консенсусе в этом вопросе. Существует целый ряд проектов разной степени проработанности и реалистичности, изложение которых заняло бы слишком много места. Могу лишь отметить, что на сегодняшний день одной из самых популярных идей является построение армии по «швейцарскому» образцу, с опорой на вооруженный народ, замену призыва системой военной подготовки в частных военизированных структурах разного типа, одновременно с воссозданием офицерского корпуса классического образца. С другой стороны, существуют планы возрождения русского воинского сословия, «нового казачества». Все это предполагает радикальное переосмысление самого положения армии в обществе, порядка ее формирования и т.п.

Столь же назревшими являются реформа исправительных учреждений. Преступность — начиная от бытовой и кончая государственной — в России приняла чудовищные масштабы, места лишения свободы превратились в

конвейеры, штампующие уголовников. Необходима радикальная реформа существующей системы наказаний. Опять же, у националистов имеется ряд проектов разной степени проработанности — но все сходятся на том, что необходимы самые срочные и решительные меры против организованной преступности, особенно «этнической», как представляющей наибольшую опасность для народа и государства. Но столь же необходима борьба с «мелкой», «бытовой» преступностью, постепенный переход к политике нулевой терпимости (наподобие той, которая показала столь впечатляющие результаты в США). Все это, конечно, предполагает полное переформатирование — фактически, воссоздание заново — правоохранительных органов.

То же касается и других государственных институтов. В частности, русским националистам предстоит восстановить разрушенную систему образования, заново воссоздать русскую науку, и так далее. Соответствующие планы и проекты нужно рассматривать отдельно.

Самая же главная задача — это уничтожение тотальной коррупции. Сейчас само право на ведение какого-либо бизнеса — или вообще какого бы то ни было дела — в России должно быть оплачено: любое разрешение на что-либо является предметом торга с чиновниками. Существует также система «черного» налогообложения, фактически — государственного вымогательства. Она поддерживается законодательной системой, и еще более — правоприменительной практикой. Все это необходимо пресечь, предоставив людям самые широкие права на самодеятельность и урезав права чиновного сословия до необходимого минимума. Необходимо также приведение российского законодательства в соответствие с нормами цивилизованного государства и масштабная судебная реформа.

Федерализм. Нынешняя «ассиметричная федерация», где русские области дискриминированы относительно нерусских «национальных республик и автономий», является уродливой и нежизнеспособной в исторической перспективе.

Многие русские националисты, видя это, склоняются к унитаристским идеям: государство должно быть едино, всякие деления в нем — чисто административными. Но сейчас настроения меняются: люди понимают, что реальный федерализм, права русских регионов — это важная часть национального строительства. Нет ничего плохого в том, чтобы исторические регионы России пользовались широкой автономией, в том числе и в области экономической. Ситуация, когда средства, заработанные в регионах, вывозятся из них в «центр» — а потом, как правило, и из России вообще — нетерпима. Если что-то и способствует сепаратизму, то именно это. Средства, заработанные русскими людьми на русской земле, должны оставаться на этой земле и идти на ее развитие.

То же касается и административного, и культурно-исторического самоутверждения русских земель. Привычные географические названия — Урал, Сибирь, Дальний Восток — должны наполниться политическим содержанием. Каким именно, сейчас можно только гадать: будет ли это некий аналог американских «штатов», со своими конституциями и знаменами, или что-то подобное германским «федеральным землям» с их «скрытым федерализмом». Но, скорее всего, будет

реализован какой-то свой, российский вариант. Так или иначе, это должны быть именно русские земли, где русские составляют большинство населения. Нерусские национальные республики — в том виде, в котором они существуют сейчас — должны быть слиты с русскими регионами. Разумеется, права нерусского населения, в том числе и право на национально-культурные автономии, должны быть гарантированы, как и русские права на то же самое.

При этом должны быть ликвидированы искусственные внутренние границы, разделяющие Россию. В частности, институт прописки в нынешнем его виде не может считаться соответствующим демократическим нормам. Свобода передвижения не менее важна, чем прочие права и свободы. Особое значение она приобретает в ситуации начала экономического роста — который, скорее всего, начнется после установления в России национальной власти.

Не исключено, впрочем, появление в России особых территорий — временных политических образований с особым порядком управления. Так, в том случае, если Кавказ останется в составе России, он, скорее всего, будет рассматриваться в качестве особой территории — поскольку в своем нынешнем виде он не может быть интегрирован в общероссийскую политическую реальность. Фактически, это регион, находящийся на столь низком уровне развития и настолько пропитанный агрессивным неприятием всего русского, что потребуются очень долгий срок и продуманная система мер по приведению его к общероссийским нормам жизни. Необходимо создание своего рода карантинной зоны со своими правилами и порядками — управляемой, скорее всего, непосредственно из федерального центра. Что касается меня, то я лично не уверен, что игра стоит свеч. Может быть, более перспективным является создание на месте российского Северного Кавказа системы полузависимых государств, наподобие того, что сейчас планируется сделать с Абхазией и Южной Осетией. (Впрочем, скорее всего, все эти рассуждения неактуальны — поскольку геополитическая катастрофа на Северном Кавказе с каждым годом становится все вероятнее).

Разумеется, федеративная Россия будет поощрять прямые связи с русскими землями за пределами страны, вести активную региональную политику.

Наконец, одна из важнейших задач — построение работающей системы русского местного самоуправления на всех уровнях. Эту задачу можно решить достаточно быстро — перераспределением полномочий.

Экономическое развитие. Необходим быстрый экономический подъем русских земель. Особенно важно обеспечить опережающее экономическое развитие Центральной России — региона, максимально ограбленного и изуродованного как в период советской власти (которая вкладывала средства в развитие национальных окраин, обескровив русские земли), так и российской власти, превратившей эти территории в зону перманентного экономического бедствия.

Большинство русских националистов согласны с тем, что государство должно отдать долг русским землям. Необходимо опережающее развитие инфраструктуры, прежде всего транспортной. Столь же необходимо масштабное строительство: людям просто негде жить. Мы, жители самой большой в мире страны, ютимся в

каких-то щелях. О собственном доме могут мечтать только богачи. О качестве российского жилья я уже не говорю: нет ничего уродливее «современного русского города». Разумеется, транспортное и жилищное строительство требуют денег. Но если вкладывать средства, полученные от продажи невозобновляемых ресурсов, не в американскую экономику (где они успешно и сгорели), а в собственную страну, можно добиться многого, не так ли?

Кстати об этом. Государство в настоящее время формирует бюджет более чем на треть из доходов от продажи нефтегазового сырья. В случае временной национализации нефтегазового комплекса и некоторых других сырьевых секторов экономики вполне возможно радикальное снижение налоговой нагрузки на бизнес. Еще большее значение будет иметь пресечение государственно-чиновного вымогательства. Все это даст импульс экономическому развитию страны.

Что касается рынка труда. Сейчас доля заработной платы в ВВП Российской Федерации почти в два раза меньше, чем в странах Западной Европы и США, и она продолжает снижаться. При этом ее уровень в абсолютных показателях очень невысок.

Русские националисты — последовательные противники всех экономических моделей, основанных на использовании дешевой рабочей силы. По нашему мнению, это способствует консервации самых архаичных, отсталых технологий и соответствующих им общественных отношений. Особенно неприемлем для нас «дешевый» мигрантский труд. Русские националисты — сторонники моделей развития, основанных на росте заработной платы, повышении производительности труда и опоры на внутренний рынок как на главную опору стабильного экономического роста.

Отдельная тема — социально-экономическая структура российского общества. По имеющимся данным, 85% населения России обладают лишь 7-10% национального богатства страны, все остальное сосредоточено в руках горстки сверхбогачей (как правило, не отождествляющих себя с Россией и русским народом, вне зависимости от происхождения) и чиновников разного уровня, живущих на коррупционную ренту. Сюда же относятся этнические мафии, сосредоточившие в своих руках огромные материальные ресурсы. Так называемый российский «средний класс», по сути, фиктивен: по сути, это всего лишь более или менее дорогостоящая услуга высшего класса. Почти полностью отсутствует слой *русских хозяев* — владельцев малого и среднего бизнеса, имеющего дело с населением. Большая часть русских вытеснена в бедный и беднейший слой. В частности, именно русские составляют массу «низкооплачиваемых бюджетных работников»; высокооплачиваемые места в бюджетном секторе распределены в основном между этническими группировками, как, впрочем, и везде в российской экономике. Все это, конечно, нетерпимо — с любой точки зрения. Поэтому необходимы масштабные реформы в бюджетном секторе, поддержка национального предпринимательства и т.п.

Социальная сфера. Это огромная тема, которую нужно либо рассматривать подробно и вдаваясь в детали, либо не трогать вовсе. Вкратце можно упомянуть реформу бюджетных учреждений и пенсионную реформу.

Культура. Моральное и физическое здоровье нации. Наша либеральная интеллигенция уверяет всех (и себя в первую очередь) в том, что русские националисты, придя к власти, закутают общество то ли в рясу, то ли в саван, введут фундаменталистскую диктатуру, запретят «современное искусство», и — самое страшное — закроют доступ к серверам с гей-порно.

На самом деле одной из важнейших задач русского национализма является построение в России современной культуры, основанной на традиционных демократических ценностях, прежде всего на свободе слова.

На это можно сказать — чем вам, в таком случае, не нравятся девяностые, когда свобода была через край? Но это миф. Так называемый период «ельцинских свобод» на деле являлся временем господства *дискурсивных мафий*, проводивших столь же антирусскую политику, что и нынешние «огосударственные» СМИ. С точки зрения русских националистов, нет никакой разницы, кто именно зажимает русским рот — волосатая лапа чиновника или «невидимая рука рынка».

Русскому обществу необходима свобода слова, свобода мнений, свобода дискуссии. Замечу: это те права, которые последовательно отстаивают не только современные русские националисты, но и их исторические предшественники, включая ранних славянофилов. Сейчас воззрения Хомякова или Аксакова представляют в основном исторический интерес — но не в этом вопросе.

С другой стороны, русские националисты согласны с тем, что русское гражданское общество имеет право вмешиваться в процессы, происходящие в культуре — как имеет на то право гражданское общество в любой демократической стране. Важно лишь, чтобы это была народная инициатива, а не произвол каких-либо «смотрящих», государственных или назначенных прогрессивной общественностью. Если в России появятся русские организации, оказывающие (в рамках закона) давление на социум в целях оздоровления нравственного климата, это можно будет только приветствовать. Не исключено появление объединений, подобных американскому «Моральному большинству», — а, возможно, и политических движений соответствующей направленности (как, например, в современной Польше).

Особое значение русские националисты придают борьбе с уголовной субкультурой, сейчас инфильтровавшей собой культуру в целом. Это отдельная и очень сложная тема, обсуждение которой сейчас практически табуировано.

Что касается физического здоровья русского народа, необходимы срочные меры по прекращению спаивания русского населения, и еще более срочные — по предотвращению повальной наркотизации. Решение этих задач, опять же, возможно только в случае прихода русских националистов к власти — поскольку производство и сбыт отравы сейчас находится в руках этнических мафий, которые имеют связи с коррумпированными чиновниками самого высокого уровня. При этом самой большой опасностью является расширение сбыта наркотиков. Скорее всего, борьба с наркомафией будет первой задачей, которую придется решать русской власти. В силу чрезвычайной опасности этого преступного промысла здесь могут быть применены самые жесткие меры из известных в мировой практике.

Уже сейчас появились общественные организации, ведущие эту борьбу, и русские националисты их поддерживают.

Постскриптум. Разумеется, все вышеизложенное — не более чем общие рассуждения. Обсуждать имеет смысл конкретные проекты или хотя бы подходы к ним. Здесь лишь обозначен спектр проблем, которые русским националистам представляются важными.

17. Как именно русские националисты намерены строить отношения с гражданами России другой национальности в случае прихода к власти?

Русских националистов часто подозревают в желании создать «расистское государство», где нерусские окажутся законодательно ограничены в правах и будут считаться гражданами второго сорта.

Эти опасения подкрепляются отдельными цитатами из высказываний тех или иных людей, считающих себя русскими националистами. При этом соответствующие высказывания лиц иных национальностей в адрес русских благополучно игнорируются, а политика, проводимая по отношению к русским — как вне России (например, в странах Прибалтики или на Украине), так и внутри нее (особенно в этнократических республиках) — обходится молчанием.

Разумеется, среди русского движения много людей, которые — имея за спиной горький личный опыт и зная историю — относятся к нерусским народам без симпатии. У них, увы, есть для этого все основания. Соответствующие мотивы присутствуют и в националистической пропаганде.

Но при этом ни одна сколько-нибудь проработанная программа национально-государственного строительства (из тех, что я читал) не предполагает ущемления прав нерусского населения.

Это и неудивительно. Русское движение является не империалистическим, а национально-освободительным. Нам нужна свобода, мы не хотим угнетать и притеснять другие народы.

Еще раз напомним то, что говорилось ранее. В отличие от европейцев и других народов, русские никогда не эксплуатировали колонии, не торговали рабами, в русских городах не было табличек «только для белых», никогда не практиковалась расовая и иная сегрегация. Русские — к добру или к худу — отличаются редкой терпимостью. Все, чего они хотят — это защитить себя и свои интересы.

В русском государстве все граждане будут иметь равные права. Ущемление прав граждан по национальному, религиозному или иному признаку — варварство.

При этом должен быть решен вопрос с гражданством и правом на него. Так, мигранты, спешно ввозимые в огромных количествах нынешней властью, должны быть лишены гражданства и со временем репатриированы. Это касается как нелегальных мигрантов, так и тех, кому российские власти сейчас спешно раздают гражданство. Российский паспорт, выданный, скажем, в 2008 году узбеку или

грузину, не должен быть основанием для наделения его владельца всей полнотой прав. Он может быть лишен гражданства — разумеется, в законном порядке.

С другой стороны, политика по отношению к русским за рубежом должна быть кардинальным образом пересмотрена. Россия должна взять на себя роль национального очага для русских всего мира. Всякий русский должен иметь возможность репатриации в Россию. Здесь имеет смысл изучить и применить израильский опыт, а также опыт других стран, являющихся национальными очагами для разделенных народов.

Как уже было сказано, национальные республики в их нынешнем виде — фактически, антирусские этнократии — не могут и не должны сохраняться в своем нынешнем состоянии. Руководство этих республик запятнало себя коррупцией и участием в криминальной деятельности. Должно быть проведено широкомасштабное расследование — разумеется, объективное, со скрупулезным соблюдением законов, обязательно открытое и гласное, возможно, с участием международных наблюдателей — деятельности этнических элит. Попытки спровоцировать «национальные волнения» на этой почве можно легко пресечь обычными полицейскими мерами. В дальнейшем следует привести территории и население этнократий к общероссийскому стандарту.

Это не предполагает подавления или лишения местного населения каких-либо прав. никоим образом не должны быть ущемлено национальное достоинство местных жителей, не должна преследоваться их культура, язык и т.п. Русское государство может и должно стать защитником интересов нерусских народов — но именно народов, а не тех, кто этими народами сейчас управляет.

Необходимо также поощрять самоуправление на местах, предоставив все права и возможности для его успешного функционирования. В управленческой практике следует придерживаться позиции: со всеми вопросами и проблемами обращаться к самому населению, а не к посредничающим элитам, якобы «представляющим его интересы».

Исключением могут стать особые территории — например, на Юге России — которые по объективным причинам не могут быть интегрированы в общероссийское пространство. Это предполагает особый политико-правовой режим — о чем уже говорилось.

Но что должно быть прекращено — так это искусственное и избыточное поощрение «национального своеобразия» за счет финансовых и организационных возможностей русского государства. Национальное своеобразие — да, сколько угодно, *но за свой счет*: этим принципом и следует руководствоваться.

Нетерпимой практикой является современная россиянская политика «национальных квот». Сейчас бедный русский юноша не может получить хорошее образование, как бы он ни был талантлив — зато полуграмотные дети гор принимаются в самые лучшие вузы страны без экзаменов. Такая же кадровая политика проводится и в государственных учреждениях, официально и неофициально. Все это является прямой дискриминацией русского народа.

Необходимы дополнительные меры по защите русских. Так, сегодня русские, живущие в любой части России (в том числе и на своих исторических землях), практически беззащитны перед хорошо организованными и сплоченными этническими группировками, осуществляющими самый настоящий террор против русского населения, держащими людей в страхе. Решение этой проблемы состоит как в государственно-правовой защите русского населения, так и в поощрении русской самообороны: русских нужно вооружить и предоставить им законное право на самозащиту от агрессии пришельцев.

Более того, в силу сложившейся ситуации может оказаться необходимой политика «позитивной дискриминации» по отношению к русским. Следует признать, что народы, несущие на себе особую тяжесть или особо пострадавшие, заслуживают того, что в международном опыте называется «аффирмативные акции» — то есть, предоставления им особых, дополнительных прав, может быть, в качестве временной меры. Что касается русского народа, то он, как принявший на себя максимальную тяжесть по строительству государства и наиболее пострадавший от этого строительства, связанных с ним разрушений, революций и реформ имеет право на определенные дополнительные права — в сфере образования, культуры, финансирования русской культуры и т.п.

Это касается и демографической программы. Русский народ принес огромные жертвы — в частности, понес максимальные потери в Великой Отечественной Войне, а также в девяностые годы. Поэтому меры по поощрению рождаемости должны быть направлены прежде всего на увеличение рождаемости русских, а также других народов, живущих на территории России и понесших сравнимые потери (например, белорусов). Также желательны программы государственной поддержки некоторых русских субэтносов — в частности, казачества, понесшего в двадцатом веке огромные потери.

Подчеркнем: в данном случае речь идет не об этническом фаворитизме, а о простом восстановлении справедливости.

* * *

В заключение хочу сказать вот что.

Существует труднообъяснимая, но реальная связь между народом и землей, на которой он живет. Скажем, Франция — это французы, и если французов изгнать из страны или хотя бы ущемить их права, подчинить их инородной власти — той Франции, которую любит и которой восхищается мир, не будет. То же касается и любой другой исторической культуры.

Так вот, Россия мыслима только как русская страна. Россия создана для русских, только русские могут обустроить и украсить эту землю. Это признание несколько не умаляет достоинств других народов — и они тоже имеют свою долю в нашем общем наследии, и никто не смеет лишить их этой доли. Но *обустроить Россию как единое целое* должны именно мы — и только мы одни.

Если русские не правят Россией, если она не для русских, ее просто нет: это всего лишь территория, холодная и неудобная, годная только на то, чтобы добывать в ее мерзлых недрах нефть, газ и кое-какие минералы. Только русские способны вдохнуть жизнь в эти края. Если мы не сможем этого сделать, этого не сможет никто.

Не только мы потеряем свою страну — ее потеряет мир. Возможно, он потеряет свое будущее.